

Геннадий Бортников: *Культура. — 1993. — 18 дек. — С. 9.*

ГОВОРЯТ, ЧТО Я НЕ ОТ МИРА СЕГО

Имя Геннадия Бортникова часто вызывает чувство ностальгии. Ностальгии по ушедшему времени, когда театр был овеян романтикой, а актер звался Артистом. Он тогда не вещал прописных истин с депутатских трибун, а казался человеком из другого мира. Он был окружен восторженными поклонниками, не спрашивающими его об очередных политических убеждениях. Он творил и тем самым был на своем месте — высоком, почти недостижимом. Что изменилось в искусстве и в жизни, в актере и зрителе, в самом Геннадии Бортникове? Что ушло безвозвратно и что ждет нас впереди?

— Геннадий Леонидович, вы пришли в театр в самом начале шестидесятых, в ту знаменитую «оттепель». Действительно ли внутри театра, кино и вокруг них существовала тогда какая-то эйфория, словно искусство внезапно освободилось от оков? Или все было гораздо прозаичнее?

— Нет, конечно, эта эйфория была: И очень романтического плана: она сказывалась в восприятии публики, в ее реакции на каждое слово, на новый поворот темы, который зрители, затаяв дыхание, взалбли-воспринимали. Мне повезло, что мои первые пьесы были, розовскими — «В дороге», «Затейник». У меня там не было, подых прочерчивать какие-то свои мысли через авторство драматурга. В кино я тоже сразу попал в новую волну. Помню, как восторженно писали о фильме «Наш дом». Как был воспринят даже детективный сюжет картины «Взорванный ад»: отошли от стандартов, появился герой, который размышляет, мучается, сомневается. Это было тогда в новинку, потому и вызывало эйфорию свободы.

— А вы сами, пройдя к 20—25 годам хорошую школу жизни, оставив за плечами духовную семинарию и заводские цеха, тоже были восторженным романтиком?

— Да нет. У меня уже в то время появился какой-то критический взгляд на вещи. Когда я приходил, например, в Политехнический музей на вечер поэтов, меня немножко коробило огульное желание все принять лишь только потому, что это нечто «левое». Да и на сцене я никогда не находился в шорах. Я чувствовал зал и избирал тех людей, которые воспринимали все не как восторженные младенцы, а умели ухватить какую-то разумную, конкретную мысль. Конечно, первые несколько лет я просто купался в лучах славы, в том, что мне все легко давалось, что у меня успех, что в театре мне все улыбаются. Но происходило взросление. И постепенно я начинал понимать, что эти улыбки не вполне искренни. Что успех относится не ко мне, а к той самой эйфории. И вот этот процесс осмысления привел меня к более трезвому, более критическому взгляду на все окружающее.

— Уже тогда вы стали понимать, что театр в России — явление идеологическое?

— Так это же естественно. Это всегда было. Вспомните Островского — пьесы о театре. Меня никто не наталкивал, просто жизнь дала понять, что за многими вещами, которые

меня окружают, кроется и конъюнктура, и идеология. Что даже в поступках Юрия Завадского, которые казались мне благородными, была какая-то внутренняя политика. Иногда нужная, связанная с дипломатическими взаимоотношениями, а иногда и просто конъюнктурная. Но я не хочу его осуждать, хотя он иногда выдвигал и просто абсурдные лозунги, например: «Образцовому городу — образцовый театр». Но это шло скорее от наивности, которая сохранилась в этих людях. А еще от инстинкта самосохранения, ради элементарного выживания. Но я не помню ни одного подлого поступка того же Завадского.

— Как вы сами, прекрасно понимая эти явления, ощущали себя?

— Очень горько. Как только я начинал чувствовать себя очередным участником этого идеологического процесса, сразу же возникали сомнения, раны. Я был вынужден набираться смелости и от чего-то отказываться, избегать, иногда даже хитрить, «заболеть».

— Не тогда ли возникло ваше желание заняться самостоятельным творчеством: самому искать пьесы, ставить спектакли, играть, отвечая толь-

ко каким-то внутренним импульсам?

— Все-таки при жизни Завадского эти проблемы так остро не стояли. Меня до отвала загружали работой, да и в кино спрос был большой. Но первые попытки самостоятельности действительно были уже тогда. Я их демонстрировал в Доме актера, выходя со своими режиссерскими и актерскими работами. Делал композицию по повести Э. Сэллинджера «Над пропастью во ржи», «Глазами клоуна» Г. Белля, кстати, задолго до появления этого спектакля в Театре имени Моссовета. Тогда это было новостью и для меня, и для публики, и тоже восторженно принималось.

— Геннадий Леонидович, а теперь скажите — ваше своеобразное «диссидентство», некоторая обособленность и в Театре имени Моссовета, и вообще в театральном процессе вызвана собственными взглядами на искусство, какими-то особыми идеалами, что ли? Или это просто актерский имидж?

— Давайте будем честно говорить, без кокетства. Многие меня считают «не от мира сего», причем не в высоком понимании этого слова. Так что я иногда просто боюсь отвечать на такие вопросы. И все же, если бы мне сейчас приш-

лось начинать все сначала, я, наверно, был бы таким же. Потому что меня всегда интересовали более абстрактные вещи, нежели какие-то сиюминутные явления. Я знаю массу своих сокурсников, коллег, которые всегда очень старательно выбирали себе идеалы, в зависимости от обстоятельств. Меня и сегодня раздражает дерганье интеллигенции, все эти предвыборные шабаши. Та же интеллигенция, которая вчера танцевала перед Брежневым, сегодня танцует перед кем угодно. Завтра придет кто другой, она тут же перестроится и будет плясать перед следующим властителем, от которого зависит ее благополучие, и, следовательно, идеалы.

— Недавно мне пришлось услышать от одного артиста такую фразу: «Сейчас не до искусства, страна должна определиться...».

— Но это же абсурд. Как можно говорить сейчас не до искусства. А если предстоит какое-то событие в религиозной сфере, так что же — мы должны на время закрыть все храмы? Дело актера, любого художника — в его миссии, и только в ней. Конечно, если будет нужна какая-то моя конкретная помощь, поддержка, например, инвалидов или «аф-

ганцев», я всегда пойду навстречу. Но только в преломлении через эту миссию. Я не говорю «профессию». Я ненавижу людей, которые занимаются «профессией». Есть миссия.

— В чем же, по-вашему, состоит эта миссия художника?

— Только в одном — в порядочности.

— Она менялась со временем?

— Она неизменна. Я не осуждаю актера, который выступает в защиту Ельцина или Хасбулатова, или ходит под ручку с Еленой Боннэр. Быть может, это его параллельное увлечение. Но забрасывать ради этого свое дело? Ты своим творчеством, своим фанатизмом докажи, что культура не рушится.

— Наш нынешний театр находится в какой-то растерянности, в метаниях. Почему, на ваш взгляд, это происходит?

— Да причина не в театре. Я сто раз об этом говорил. Дело в атмосфере, которая вокруг театра. Она отражается даже на больших актерах. Очень много появилось обременительных хлопот у людей, отвлекающих факторов. А есть такие работы, когда актера ничего не должно отвлекать. Завадский когда-то верно гово-

рил: «Как актер может играть Гамлета, думая о том, что у него дома испорчен холодильник?».

— Не кажется ли вам, что и зрительская вера в «святое искусство» сейчас немного пошатнулась?

— Кажется. Она сейчас всячески разрушается. И в этом виноваты во многом сами актеры — очень много стали болтать о себе, о своих проблемах. Мне кажется, они себя тем самым обезличивают. Гласность гласностью, но есть какие-то вещи, которые должны быть закрыты.

— Геннадий Леонидович, а что сегодня происходит с вами? Мне, например, просто как зрителю очень горько, что я могу вас увидеть только в одном спектакле — «Кинь».

— У меня сейчас появилась некоторая растерянность. Неуверенность в том, нужно ли засучить рукава и что-то делать, тратить свои силы, как когда-то на Достоевского, Беллу, Беккета.

— Неуверенность в себе или в том, что это кому-нибудь нужно?

— В том, что это сегодня вызовет тот отклик, о котором я мечтаю. Я ведь действительно человек избалованный. В свое время я знал, что уж если возьмусь за что-то, то добьюсь определенного результата, пусть и полемического. И те, на кого я рассчитываю, обязательно придут и поддержат меня. А сейчас у меня какое-то двойное состояние. И не оттого, что не знаю, что делать. Уверен, что если я просто выйду и стану читать мною изобретенные сны или вспоминать монологи из Достоевского, сыграв в одном спектакле князя Мышкина, Раскольникова и Сонечку Мармеладову, все равно это будет интересно. Но тем не менее хотелось бы сейчас немножко осмостреться, подождать.

Что ж, согласимся. Ведь у каждого своя правда. Прав артист, который не хочет бездумно растратывать себя, желая сосредоточиться и разобраться в том, что происходит с ним и с миром. А может быть, просто хочет отдохнуть. Но прав и зритель, который устал ждать и хочет видеть любимого артиста сегодня, сейчас. Рассудят время и судьба, последнее слово за ними...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА.

Фото Н. Звягинцева.